

Тан Бай, сбросив маску, говорил и вел себя с откровенной насмешкой. Подперев пальцами висок, он окинул присутствующих ледяным взглядом.

Чжан Мими уже открыл было рот, собираясь огрызнуться, но в этот миг зазвучал бесстрастный голос Системы:

[Объявлен второй раунд. Организатор: Линь На.]

[Задача: определить и проголосовать за убийцу Линь На.]

[Очередность выступлений игроков и содержание их речей перед голосованием определяет Линь На. Действительность результатов голосования и их верность также оценивает Линь На.]

[Ввиду специфики данного раунда, игрокам запрещено голосовать против самой Линь На. Голоса, отданные неигровыми персонажами, аннулируются. Во время голосования игроки обязаны называть себя в соответствии со своими ролями. Примечание: требуется лишь формальное самоопределение, отыгрывать роль необязательно.]

[Итак, раунд начинается.]

Присутствующие промолчали. Похоже, в свой раунд Линь На получила огромную власть.

Ло Ижань сразу зацепился за фразу «действительность и верность результатов оценивает Линь На».

«Значит ли это, что если она сочтет итоги недействительными, раунд просто аннулируют? — размышлял он. — А насчет "верности"... Возможно, правильный ответ не важен? Главное — чтобы он совпал с тем, что крутится в голове у самой Линь На?»

Судя по изменившимся лицам игроков, эта же мысль пришла в голову многим.

— Начнем, пожалуй, с папы? — Линь На сидела смирно, сложив руки на коленях. Ее взгляд оставался стеклянным, но во всем облике сквозила странная, пугающая надежда. — Папочка, только не лги мне, — тихо попросила она.

Ли Цифэн поднял на нее глаза.

В этот раз игроки обнаружили, что могут говорить — немота, сковавшая их в прошлом раунде, исчезла. Кое-кто тут же покосился на Тан Бая со сложным чувством.

— Чего уставились? — огрызнулся Тан Бай. — Просто мне нравится, когда я говорю, а все

остальные сидят тихо и помалкивают.

Игроки переглянулись.

Ли Цифэн обвел взглядом присутствующих, а Вэйя сочувственно вздохнул:

— Надо же, такой молодой, а уже обзавелся и сыном, и дочкой.

Дуань Мяомяо на всякий случай отодвинулась от Ли Цифэна подальше.

У Ли Цифэна дернулся уголок рта. Он отвесил Вэю легкий подзатыльник и спросил, глядя на девочку:

— Что именно я должен сказать?

— Конечно же, расскажи, как ты со мной поступал! — Линь На подалась вперед, теряя самообладание. Из раны на ее шее прямо на полированное дерево стола упало несколько тяжелых багровых капель. — Расскажи о прошлом, папа. Я хочу знать, почему ты бросил маму? Почему отказался от меня? И за что так сильно ненавидишь меня сейчас?

Ли Цифэн замялся, лихорадочно перебирая в памяти собранные за время игры крупницы информации.

— Твоя мать... была лишь ошибкой молодости.

Ему явно было не по себе от необходимости произносить подобные слова. Он замолчал на пару секунд, заставил себя зажмуриться, собираясь с мыслями, а когда снова открыл глаза, заговорил уже увереннее:

— У меня была законная семья, дети. Я искренне верил, что твоя мать не забеременела от той случайной связи. Но когда она родила тебя и попыталась шантажом пробиться в наш дом, я возненавидел ее всей душой. Из-за нее я потерял лицо перед женой. Она пыталась разрушить мой брак. Я отказался даже смотреть на нее и поручил супруге выставить эту женщину за дверь. Мы откупились — дали ей столько денег, сколько она просила, лишь бы вы обе никогда больше не появлялись на моем горизонте.

Линь На ошеломленно смотрела на него.

— Но папа... почему же тогда ты в конце концов забрал меня к себе?

— Твоя мать умерла. А я старел и решил, что под конец жизни стоит сделать хоть одно доброе

дело. Вот и забрал тебя, — Ли Цифэн покосился на Вэйю. — Но моя жена так и не простила меня, она почти не разговаривала со мной. Я злился, срывал досаду на тебе и просто игнорировал твое присутствие. Я не ненавидел тебя. Мне просто было на тебя плевать.

Ли Цифэн говорил ровно, холодно препарируя мысли своего экранного «отца».

Вэйя картинно прижал руку к груди и показал ему большой палец:

— Ну и мерзавец же ты, дорогой супруг. Настоящий эталонный подонок.

У Ли Цифэна зачесались кулаки, но он сдержался.

Из пустых глаз Линь На хлынули слезы. Девочка тихо заплакала, не в силах смириться с тем, что родной отец никогда ее не любил. Спустя минуту она сквозь всхлипы спросила:

— Отец... это ты убил меня?

Ли Цифэн нахмурился, на мгновение задумался и покачал головой.

В то же мгновение слезы Линь На высохли. Лицо ее мгновенно утратило всякое человеческое выражение, превратившись в безжизненную ледяную маску. Медленно повернув голову, она уставилась на Вэйю:

— Мама. Твоя очередь.

Вэйя подождал немного, но, поняв, что девочка не собирается задавать ему наводящие вопросы, недовольно спросил:

— И о чем мне говорить? Направь меня хотя бы.

Линь На равнодушно шевельнула плечами:

— Говори что хочешь.

У Вэйи дернулся рот. Решив пойти по проторенной дорожке, он озвучил позицию своей «героини»:

— Понятное дело, любить тебя мне было не за что. Ты ведь мне даже не родная дочь.

Линь На слушала его без единой эмоции, не пытаясь прервать.

Вэйя продолжил:

— Стоило тебе появиться на пороге нашего дома, как покой из него испарился. Каждый раз, глядя на твое лицо, я вспоминала о предательстве мужа. Но, справедливости ради, вреда я тебе не причиняла. Просто не замечала, презирала в душе — не более.

Пальцы Линь На, испачканные в подсыхающей крови, судорожно сжались:

— Это ты лишила меня жизни?

— Нет, конечно! — возмутился Вэйя с предельной убежденностью.

Линь На окинула его мертвым взглядом и медленно развернулась к Линь Ло и Ло Ижаню.

— Теперь вы. Расскажите, что вы со мной делали. И почему так сильно меня презирали.

Вэйя недоуменно захлопал глазами.

— Эй, — проворчал он себе под нос, — а почему им ты дала конкретные темы, а меня проигнорировала? Это предвзятость или...

Договорить он не успел. Ли Цифэн буднично зажал ему рот ладонью и невозмутимо посоветовал:

— Молчи. Целее будешь.

— М-м-м! — промычал Вэйя, тщетно пытаясь вырваться.

Наблюдавший за этой сценой Тан Бай лишь презрительно усмехнулся.

— Мы? — Ло Ижань поднял голову, сосредоточив взгляд на мертвой девочке. — Мне говорить вместе с Линь Ло?

Линь На кивнула. Напряжение в ее плечах слегка спало, словно к маленькой фарфоровой кукле-марионетке она относилась с гораздо большим сочувствием, чем к остальным.

Линь Ло откинулся на спинку стула:

— Жань-жань, начнешь ты?

Ло Ижань не спешил отвечать. Он опустил голову, размышляя. Факты о взаимоотношениях его персонажа с Линь На уже сложились в цельную картину, оставалось лишь выбрать верную интонацию. Стоило ли... рискнуть и пойти на поводу у собственной догадки?

Линь Ло слегка пошевелил пальцами, мягко коснувшись деревянной спинки куклы-марионетки.

— Ну же, Жань-жань, не молчи.

Ло Ижань бросил на него короткий взгляд, затем снова повернулся к Линь На и произнес без обиняков:

— Я тебя ненавижу.

Линь На слегка склонила голову набок, на ее лице отразилась глубокая печаль.

— Потому что ты застучала меня, когда я тайком поцеловал Линь Ло, — совершенно ровным голосом добавил Ло Ижань.

Его признание заставило многих за столом вздрогнуть от неожиданности. Ся Лан и вовсе на секунду позабыл, что друг лишь озвучивает заложенную игрой предысторию персонажа. Он резко вскинул голову и вытаращился на Линь Ло.

«Черт! — пронеслось в его мыслях. — Это же никак не вяжется с образом "лучшей девушки на свете", которую мы ищем!»

Линь Ло самодовольно улыбнулся. Маленькая кукла-марионетка тем временем продолжала:

— Я до смерти боялся, что ты проболтаешься ему или его родственникам. И больше всего меня напугало, когда ты пришла ко мне лично и прямо спросила, люблю ли я Линь Ло.

«Мне казалось, что ты меня шантажируешь».

Персонаж, чью роль примерил Ло Ижань, по своей природе был уязвимым, закомплексованным и крайне мнительным. Он тайно обожал Линь Ло, но не смел к нему приблизиться; тот украдкой сделанный поцелуй потребовал от него невероятного, почти безумного мужества.

Разумеется, когда столь хрупкую, оберегаемую тайну раскрывает член семьи — к тому же тот, с кем у Линь Ло натянутые отношения, — напуганный влюбленный вполне мог принять простое любопытство за скрытую угрозу.

К тому же Ло Ижань помнил: в то время Линь На страдала от жестокой травли в школе, а его персонаж, стремясь угодить Линь Ло, тоже приложил к этому руку.

Линь На виновато опустила ресницы, выглядя беззащитной и ранимой:

— Я вовсе не хотела тебя пугать... Мне просто было искренне жаль вас двоих. Я знала, что брат давно признался родителям в своей ориентации и говорил, что его сердце несвободно. Когда я увидела тебя рядом с ним, то сразу поняла, что это взаимно. Мне не хотелось, чтобы вы глупо упустили свое счастье из-за недомолвок, только поэтому я и спросила.

Ло Ижань мысленно поблагодарил правила Системы за то, что сейчас требовалось лишь сухое изложение фактов, а не актерская игра. Ему не пришлось изображать наводнившие душу эмоции и картинно оборачиваться к Линь Ло.

Кукла-марионетка сделала глубокий вдох и ровно продолжила:

— Но я этого не знал. Из-за своей забитости и вечного страха я сам едва не стал изгоем в школе. Если бы не защита Линь Ло, меня бы затравили точно так же, как тебя. Однако страх исказил мою душу. Вместо сочувствия я чувствовал лишь дикое, постыдное облегчение от того, что удар пришелся по тебе, а не по мне. К тому же я считал тебя виновницей всех бед в семье Линь Ло и искренне верил, что ты заслуживаешь клейма злодейки.

Слушатели хранили гробовое молчание.

Дуань Мяомяо осторожно подалась вперед и шепотом спросила:

— Послушай... друг младшего брата, а ты не слишком ли разоткровенничался?

Исход голосования целиком зависел от капризов мертвой девочки, а Ло Ижань сейчас добровольно вываливал на нее ушаты грязи и признавался в жестокости своего персонажа.

Ло Ижань проигнорировал ее предостережение.

— Я согласился прийти на этот праздник только потому, что знал: ребята готовят для тебя злой розыгрыш. Мне хотелось лишний раз побыть рядом с Линь Ло и... поучаствовать в твоём унижении.

Ся Лан опустил голову, его пальцы судорожно сжались в кулаки.

— Дурацкая коробка с сюрпризом была лишь разминкой, — безжалостно вещал Ло Ижань. — Я написал тебе письмо, полное яда и мерзких школьных сплетен. Я собирался подбросить его тебе. Страх, что ты выдашь мою тайну, день ото дня сводил меня с ума.

Глаза Линь На вновь наполнились слезами, она отчаянно закивала головой:

— Но почему... я ведь никогда не желала тебе зла. За что вы все так со мной?..

— Теперь я это знаю, — тихо отозвался Ло Ижань, и его кукольное лицо неувовимо смягчилось.
— Прошлой ночью мы с Линь Ло наконец объяснились и стали парой.

Раздался негромкий стук.

Ся Лан выронил телефон из ослабевших пальцев. Он даже не подумал поднять его, во все глаза глядя на Линь Ло. Если это случилось прошлой ночью, значит, признание произошло уже внутри игры. Выходит... Жань-жань лично подтвердил эту романтическую связь между их персонажами?

«Если рассуждать логически... — лихорадочно соображал Ся Лан, — Жань-жаня невозможно заставить делать то, чего он сам не хочет. Значит, он пошел на это абсолютно добровольно?»

Ся Лан мрачно насупился, буравя Линь Ло подозрительным взглядом. Тот, словно почувствовав его немую ярость, обернулся и, разгадав причину его замешательства, расплылся в вызывающе довольной, триумфальной улыбке.

Ся Лан едва зубами не заскрежетал от досады.

«Да ни за что на свете!»

Этот заносчивый тип никак, ну просто никоим образом не тянул на роль «лучшей девушки в мире» из легенды!

Ся Лан упрямо закусил губу. В этот момент он напрочь забыл и о смутных воспоминаниях о собственном прошлом, и о том, какими ледяными взглядами одарял его этот человек ранее. Теперь в его глазах читалось лишь одно — суровое, придирчивое осуждение.

Кукла-марионетка даже не повернула головы, совершенно не замечая безмолвной дуэли взглядов между Линь Ло и Ся Ланом. С виноватым и искренним видом он продолжал обращаться к Линь На:

— Когда я понял, что мои чувства взаимны, и увидел, что никто в этом доме не осуждает нас, до меня наконец дошло, как жестоко я заблуждался на твой счет. И поэтому...

Ло Ижань опустил голову. Казалось, он вот-вот разрыдается вместе с мертвой девочкой:

— Прости меня. Ты была так добра ко мне, а я платил тебе лишь слепой, трусливой ненавистью.

Остальные игроки сидели разинув рты от изумления. Подобного актерского мастерства от бесстрастной фарфоровой куклы-марионетки не ожидал никто.

Разумеется, лить настоящие слезы Ло Ижань физически не мог. Но он с такой достоверностью закрыл ладонями лицо, так убедительно шмыгал носом и вздрагивал плечами, что его тихий, прерывистый шепот звучал запредельно жалко:

— Мне... мне правда очень жаль.

Линь На ошарашенно замерла вместе со всеми. Она долго и непонимающе разглядывала плачущую куклу-марионетку, прежде чем вспомнить о правилах игры. С трудом вернув себе самообладание, она выдавила положенный по сценарию вопрос:

— Скажи... ты считаешь себя моим убийцей?

Ло Ижань не поднимал головы. Скрытое за ладонями лицо куклы-марионетки оставалось абсолютно бесстрастным, когда он тихо произнес:

— Ты покончила с собой.

Взгляд Линь На мгновенно потемнел от вернувшейся злобы.

Но в следующую секунду Ло Ижань картинно стер несуществующие слезы с кукольных щек и прямо посмотрел ей в глаза:

— Но именно я подтолкнул тебя к этому шагу. Мои поступки отравили твою жизнь. Поэтому на голосовании я отдам свой голос против самого себя — это меньшее, что я могу сделать, чтобы искупить свою вину перед тобой.

<http://bllate.org/book/19836/2270395>